

МАГИ & МОТОРЫ

СЕРИЯ "МАГИ И МОТОРЫ"

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ДЕМОН-СЛМОЗВАНЕЦ

АНДРЕЙ ЛЕВИЦКИЙ
МЯГИЧЕСКИЙ ВОР

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ДЕМОНЫ ЮГА

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ЛЮДИ ПЕПЛА

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ГОРЕЧЬ ПЕПЛА

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

ГОРЕЧЬ ПЕЩА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

Составитель серии *Алексей Бобл*

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Каменистый, Артем.

К18 Горечь пепла / Артем Каменистый. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Маги и моторы).

ISBN 978-5-699-93170-5

Гиган — мир, разделенный Срединным хребтом. На севере цивилизация дошла до эпохи технической революции, а на юге о сложной технике даже не помышляют. Зачем она южанам, если они не забыли магию? Рашмеры — изгои из бывших преступников, живущие на магических поводках и изуродованные смертоносным пеплом, исторгнутым из разлома под зловещим названием Пасть Мертвеца. Обладатель магического меча Трой — один из них. Он нечеловечески быстр и ловок, способен в одиночку противостоять полярным тварям и действовать там, где смертоносный пепел убивает человека в считанные минуты...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93170-5 © Каменистый А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Хольдеманг

Нестерпимо яркий солнечный свет ударил по глазам, заставив Троя зажмуриться в тот миг, когда он оказался на одной из последних ступенек лестницы, что вела из трюма на верхнюю палубу. Солнце будто специально подкарауливало зазевавшуюся жертву, резко выглянув в прореху меж густых облаков точно в нужный момент.

— Шагать! Не останавливаться! — дурным голосом прикрикнули сзади.

Разжиревший громила из епископской стражи очень хотел подкрепить свой приказ тычком в спину, как поступил перед этим с передним узником, но сейчас ему приходилось сдерживать светлые душевные порывы. Этот берег видел немало малолетних преступников, и все они сходили на землю с пустыми руками и голодными глазами. А Трой не такой, у Троя имеется самый настоящий воинский пояс, и на нем закреплены черные ножны с явно непростым мечом.

И взгляд не рабский, не из тех, где нет ничего, кроме мечты о ломте черствого хлеба.

Стражник привык распускать руки, но при всем своем скудоумии прекрасно понимал, что в этом случае правильнее держаться как можно корректнее.

Впрочем, что касается всего остального, с Троем обращались, как со скотом, с самого начала, и, похоже, так будет продолжаться и дальше. На церковном корабле их

приняли, как бесправных узников, судя по всему, такое отношение грозит им и на этом берегу.

Прищурившись, уже на ходу осмотрелся. Верзилы в кожаных доспехах сопровождают последних бесправных пассажиров к широкому трапу, который перекинули с верхней палубы на длинный причал из огромных потемневших бревен. Корабль не из маленьких: пузатый, при этом не сказать, чтобы короткий, три высокие мачты удерживаются огромным количеством натянутых в разные стороны канатов — отдельных и сплетенных в ванты. Но с барком, который бесславно погиб, доставив жалкую горстку заключенных на Крайний Юг, он и рядом не стоит. Тот был крупнее и перевозил сразу шесть сотен будущих рашмеров плюс немалое количество недодушевленного груза.

Почти все его пассажиры нашли могилу в трюме, так что этому «пузану» повезло куда больше.

Здесь их тоже размещали в трюме, но при этом не заточали в тесные ящики и не пичкали опасной алхимической гадостью. Если барк «Кархингтайл» совершал длительные плавания с далекого севера, то эта пузатая скорлупка никогда не забиралась дальше Харбора, берега которого протягивались сразу за Крайморскими морями. Дорога туда тоже не из самых простых, но занимает меньше времени, нет смысла замораживать живое мясо, рискуя его здоровьем и жизнями, не так много припасов оно успеет перевести за время плавания.

Почти две недели Трой и остальные прождали транспортную оказию в одной из деревень на западе. Сухопутные дороги Краймора не пользуются большой популярностью, львиная доля грузоперевозок и пассажирского сообщения приходится на водные пути, преимущественно по морю, гораздо реже реками и озерами.

Первый же клирик, к которому преподобный Марфестен сопровождал намыкавшихся бедолаг, приказал им дожидаться появления одного из церковных кораблей. Тот якобы должен был вот-вот появиться, а пока сидите на месте, ничего не делайте, довольствуйтесь крестьянской кормежкой.

Ожидание затянулось, но это даже к лучшему. На открытом всем ветрам берегу царил дух беззаботной свободы: простая и сытная еда, никто не лезет с приказами, можно даже гулять по ближайшим окрестностям — там безопасно настолько, насколько может быть безопасно на непростых землях Краймора. В крохотной деревушке, где не имелось ничего заслуживающего внимания, за исключением причала, на котором проходилившие суда пополняли запасы пресной воды, на Троя и остальных всем было наплевать. Даже ворчливый клирик не посягал на их независимость. Мелкий, вечно сонный человечешка, у которого в подчинении лишь влюбленный в алкоголь ночной сторож да кладовщик с вороватыми глазами. Даже не понять, для чего именно здесь приходится держать полупустой склад.

Но святой церкви, разумеется, виднее.

На корабле свобода резко закончилась. Полутемный трюм, кишачий крысами, ругань вечно злых стражников, опасливые взгляды харборцев, которые приходили в ужас от одной мысли, что их привезли на земли страшного Краймора. А Трой и прочие, скуки ради, прибавляли паники, рассказывая бедолагам разные истории о Крайнем Юге. Причем врать почти не приходилось, ведь здесь хватит чистейшей правды, чтобы любого довести до седых волос и позорного заикания.

Ну разве что местами капельку преувеличить.

И вот короткое, но утомительное плавание подошло

к концу. В здешнем причале, в отличие от предыдущего, нет ни одной каменной детали, сделан целиком из подогнанных друг к другу небрежно отесанных стволов каких-то исполинских деревьев. У Троя длины рук не хватит обхватить самое скромное, тут потребуется два таких человека, как он. Страшно подумать, сколько труда ушло, чтобы доставить сюда и обработать такую прорву неподъемных бревен. Ведь на берегу, который тянется левее, не растет ничего, кроме жидких серовато-зеленых кустарников. Ни единого, пусть даже самого корявого деревца не видать. Будто хорошо знакомая смертоносная пепельная пустошь, только без ядовитых пятен цветного лишайника и хищной тессеркуллы.

Берег выглядел уныло, и дело вовсе не в почти полном отсутствии растительности — тут хватало других неприглядных вещей. Плоский, как лепешка, заиленный пляж захламлен мелким древесным мусором и разбросанными повсюду китовыми костями. Судя по ширине безжизненной полосы, приливы здесь очень приличные, и там, докуда вода уже не доставала, поднимались невзрачные лачуги с замшелыми стенами из нетесаного камня и односкатными крышами, прикрытыми зеленеющим дерном. Постройки располагались столь тесно, что местами между двумя соседними можно было притиснуться лишь боком.

Только две вещи в окружающем пейзаже если не радовали глаз, то хотя бы не навевали мрачные мысли: это бесконечная водная гладь справа — за выходом из бухты на горизонте она гармонично сливалась с густой облачной пеленой — и горные вершины слева. Холмы начинались уже неподалеку от поселения, дальше они быстро увеличивались, чтобы в итоге взмыть в небеса заснеженными пиками.

Глядя на далекие горы, Трой вдруг вспомнил, что как минимум однажды уже видел что-то подобное. Такие же высокие пики. Нет, даже не такие. Больше, много больше — они до небес доставали. Невероятно огромные исполины, затянутые в ледяную броню, припорошенную снегом. Но ничего, кроме этого, вытянуть из себя не смог, только бессмысленную, хоть и величественную, картинку.

И ведь не первый раз она ему вспоминается, просто теперь с другого ракурса увидел то, что уже всплывало в памяти. Что там за горы — не понять. Так же, как все прочее. Слишком фрагментарные обрывки, в единое целое их не свяжешь.

Остается надеяться, что это до поры до времени. Память по чуть-чуть возвращается, надо верить, что она восстановится.

Ветерок, задувший слева, принес запахи гниющих водорослей и тухлой рыбы. Желудок, отреагировав на вонь, сжался комом, но потом, должно быть, подумал, что последние два дня его кормили далеко не на убой, извергать из себя ему, в общем-то, нечего, и моментально успокоился.

Три десятка пассажиров выстроились в шеренгу вдоль причала. Одеты почти все одинаково невзрачно. Точнее, у большинства имелся один из двух видов одеяний — мужской и женский варианты. Штаны из грубой серой ткани, куртка с капюшоном из того же материала, тонкая серовато-белая рубаша на завязках, грубые башмаки с деревянными подошвами. Барышни выделялись лишь тем, что вместо штанов носили длинные юбки из той же непрезентабельной ткани, а из-под них видны были чулки, выглядевшие так же нищенски, как все остальное.

Семь узников тесного трюма резко отличались от остальных. Одежда на них хоть и не блистала показной роскошью, но добротная, удобная, вид ее не откровенно казенный, не сравнить с убогими хламидами товарищей по несчастью. И еще у каждого имеется оружие. Пусть капитан приказал отдать копья и алебарды, но кинжалы, тесаки и сабли оставить позволил. Хоть и придирчивый человек, но законы Краймора уважает.

А закон Крайнего Юга в этом случае гласит одно — рашмер, прошедший посвящение, имеет право носить личное оружие везде, где это не запрещено законом или землевладельцем.

Перед узниками на причале стояли двое: сутулящийся клирик в черной рясе, скрывающий лицо в глубинах безразмерного капюшона; и мужчина крепкого сложения и средних лет в облегченных доспехах, из кожи, кольчужных лоскутов и тщательно отполированных стальных пластинок. На его поясе с огромной бронзовой пряжкой болтались ножны с мечом и длинным кинжалом. Голова не покрыта, что позволяло разглядеть обильную седину, борода крохотная, аккуратная, выше подбородка все дочиста выбрито. С одного взгляда понятно, что этот здоровяк бой видел не только на картинке, умеет убивать и сам готов к смерти, а также у него есть власть, она не кружит ему голову до потери разума, но он не стесняется ее использовать по любому поводу. Взгляд умный, цепкий, с нехорошими злобными проблесками.

Здоровяк вдруг направился к шеренге, неспешно прошелся вдоль нее, бросая взгляды на одного за другим. Троя тоже не упустил, но и чрезмерным вниманием не удостоил. То есть не стал останавливаться. Просто вернулся назад и громко, ни к кому не обращаясь, неприязненно-резким голосом произнес:

— Почему среди преступников находятся люди с оружием?

Отвечать некому, стражники с борта корабля лишь удивленно переглядываются, взгляды их туповатые, раскрывать рты не торопятся. Капитан не удосужился выйти из каюты, и без него они выглядят потерянными. Как Трой заподозрил по отдельным обмолвкам, у команды какой-то непонятный конфликт с людьми, которые заправляют на этом берегу, и потому никто даже не подумал сойти на сушу, хотя размять ноги на твердой земле — святое.

Молчание нездорово затягивалось, а Трою не хочется пусть и косвенно, но стать виновником конфликта. Поэтому сделал шаг из строя и отрапортовал:

— Я и шесть моих товарищей уцелели при гибели барка «Кархингтайл». При этом спасенный рыцарь церкви был вынужден провести посвящение в рашмеры, с пустыми руками мы бы там не выжили. С тех пор мы все имеем право носить оружие.

Здоровяк, не оборачиваясь, бросил:

— Я не разрешал преступникам открывать рты.

Трой упрямо поджал губы:

— Вынужден повторить, так как не все меня поняли. Я и шесть моих товарищей — посвященные рашмеры. Надеюсь, больше повторять не придется.

С этими словами он сделал шаг назад, вернувшись в строй.

Здоровяк повернулся к клирику:

— Преподобный Примус, вы у нас главный законник, подскажите, можно ли заявление этого преступника считать бунтом?

Церковник покачал головой:

— Формально этот мальчик прав. Если, конечно, не лукавит. Но это легко проверить.

Черная фигура приблизилась, мягкий голос спросил:

— Как звали того рыцаря церкви, который провел посвящение?

— Сэр Транниллерс, — моментально ответил Трой.

— Я знаю, о ком идет речь, — отозвался воин. — Это мой земляк, личность скандально известная. Сэр Транниллерс и правда мог учудить подобное — тот еще оригинал, не уважающий ни формальности, ни традиции. Мальчишка, где он сейчас?

— Его повезли в город на самой быстрой лодке. Он изранен, лишился ноги, нуждается в долгом лечении.

— Жаль, что он не лишился головы перед тем, как додумался посвятить в рашмеры вашу разбойную шайку. Примус, и что теперь с ними делать? Разоружить посвященных и опозориться на весь свет?

Клирик покачал головой:

— Да уж — не самая здравая идея. К тому же настоятельно не рекомендую вам разоружать этого мальчика.

— Это еще почему?

— В его мече столько магии, что я диву даюсь, почему она не льется из ножен бурным потоком. Сэр Файеррис, это древняя магия, и я даже примерно не могу сказать, чем грозит прикосновение к такой непростой вещи.

— Но этот звереныш до сих пор жив.

— Это так, однако всем прочим я это не гарантирую. Скажи, мальчик, могут ли посторонние прикасаться к твоему оружию?

— Не уверен. До сих пор это для всех плохо заканчивалось.

— Вот и я о том же.

Воин вновь стронулся с места, дойдя до края шеренги, развернулся, положил ладони на рукояти меча и кинжала, громким голосом с четкой дикцией произнес:

— Мена зовут Файеррис Дорен, вы все будете называть меня сэром Файеррисом. Не советую ошибаться в произношении, так что запомните сразу и крепко. Я тот, кто будет распоряжаться вашими жизнями ближайшие пару дюжин дней или даже больше. За это время я должен сделать из вас если не рашмеров, то хотя бы что-то не совсем уж позорное. То есть добиться того, чтобы вы, забравшись на юг, не упали замертво, едва увидев снег со льдом. Скажу сразу — мое обучение вам вряд ли понравится. Но я и мои люди торчим здесь не для того, чтобы нравиться соплякам, которые настолько тупы, что поставили себя выше закона. Вам придется забыть о многом и многое узнать, хотите вы этого или нет. Некоторые из вас будут мысленно проклинать меня и желать мне зла, однако, оказавшись там, на самом Крайнем Юге, будут делать то же самое, но по другой причине. Им будет казаться, что здесь к ним слишком мягко относились. Но запомните: слабость, проявленная во время учебы, — это почти верная смерть на Крайнем Юге. Постарайтесь не просто уяснить эту мысль, а поставить ее впереди всех остальных, и вам здесь будет проще. Еще хочу сказать следующее: все вы — асоциальные отбросы, никчемные до такой степени, что даже готовые многое простить клирики отказались наставлять вас на путь истинный. Я уж не говорю про исправительные учреждения под патронажем светских властей и некоторых Великих Домов. От вас отказались все, кроме меня — сэра Файерриса. С этого момента я ваш отец, брат, учитель, бог, судья и палач. Любое неповиновение, которое вы проявите, — вызов для меня. За свою жизнь я получал семь вызовов на дуэли и не заработал при этом ни единого шрама. Не могу сказать то же самое о моих противниках. Так что очень хорошо подумайте,

действительно ли вы хотите стать восьмыми. Некоторым, возможно даже многим, в голову придет якобы разумная мысль, что вокруг открытый простор и глупо этим не воспользоваться. То есть они захотят совершить побег. Я им даже в этом помогу. Помогу информацией. Ведь очень трудно бежать куда-либо, не представляя, где именно ты находишься. Обратите внимание на берег. Первое, что вы увидите, — тесное скопище невзрачного вида домишек. Этот клоповник называется Хольдеманг, и смешно сказать, но он имеет статус города. Ты! — Файеррис неожиданно указал на шеренгу. — Толстый, с соломенными волосами и коровьим лицом. Шаг вперед. Да, именно ты. Давай же, не надо никого стесняться, здесь все свои.

Из строя вышел парень с описанными приметами: высокий, плечистый, с непокорными вихрами светлых волос и простецким лицом, главным украшением которого являлся непомерно мясистый и почти бесформенный нос. Один из тех немногих узников, которым можно смело дать двадцать лет, а то и больше. Внешне очень похож на Айлефа, то есть — классический крестьянин.

— Имя! — требовательно произнес Файеррис.

— Мардукс.

— Почему ты здесь, Мардукс?

— Я это... — Парень потупился, неловко шмыгнув носом, севшим голосом продолжил: — Я как бы испортил девицу.

— Ты не очень-то похож на героя-любownika, которому все деревенские девицы готовы отдать самое дорогое, что у них есть. Так что говори прямо — ты насильник.

— Что вы, как можно, конечно, нет.

— За испорченную девицу не отправляют на земли

Краймора, если она, конечно, не королева. Но я не представляю, каким образом такой баран, как ты, может оказаться поблизости от особы королевской крови. К тому же у тебя такой вид, будто ты твердо вознамерился умереть девственником, поклявшись в этом перед алтарем, и пока что клятву не нарушил. Так что там на самом деле произошло?

— Та девица была не из простых.

— Да тебе портовая шляха за семь горстей золотых не даст, достаточно сказок про благородных девиц, я уже наслушался этого добра.

— Но я говорю правду. Она понесла от сына управляющего, про это все знали. Только отцу сказали, будто виноват я. Бросилась ему в ноги со слезами. Так, мол, и так, конюх ее изнасиловал, а она стыдилась признаться. А отец ее из тех людей, которые стражу звать не станут, сами разбираются. Боязно мне стало, на коня — и ходу оттуда. Так что я теперь и конокрад, и насильник. А еще стражнику челюсть свернул, когда меня на дороге вязали.

— Свернул челюсть стражнику?

— Ну да. Стукнул его. Не удержался. Он оскорбил моих родителей, в наших краях такое терпеть не принято.

— Единственный светлый момент в твоём насквозь дурацком и местами даже забавном рассказе. То есть ты не такой уж молочный телец, из тебя может выйти толк. Надо лишь поработать над тобой как следует. Ты ведь не хочешь подохнуть, не прожив и пары месяцев?

— Да кто же такое захочет.

— В таком случае тебе надо стать настоящим рашмером, другого выхода нет.

— Я буду стараться.

— Ты глупый крестьянин, но хочу сказать, что у тебя